

— Тогда зачем он вас задерживает? — Линь Дань поставил перед дедом маленькую миску с лапшой, а перед собой — большую, и сел, собираясь поесть.

Дедушка пострадал (?), вернулся домой и по имени потребовал лапшу его собственного приготовления. Линь Дань привел его в свой дворик.

— Он, скорее всего, просто плыл по течению, ожидая, что тот, кто стоит за кулисами, нанесет мне чувствительный удар, но не ожидал, что это всего лишь обиженный на место назначения чиновник. — Пострадавший дедушка с открытым ртом смотрел на две миски, разительно отличающиеся размером. — Даньдани, тебе правда столько есть нужно? Не оставишь дедушке немного?

— Немного. Я ведь расту! — В последнее время он был занят по горло, давно уже не готовил.

Дедушка Линь опустил взгляд в свою миску, где едва виднелась одна лапшина, и жалобно произнес:

— И дедушке досталось только это?

— Нет. На маленькой кухне больших мисок не осталось, поэтому я gave вам маленькую, в котле еще есть. — С этими словами он наклонил голову и принялся за еду.

Губы дедушки Линя дрогнули. Этот парень явно нарочно? Точно нарочно? Он просто заставил семью понапрасну поволноваться, а ведь он сейчас Великий наставник Наследного принца и Министр чинов, его так просто не свалишь. Да и Император не может прямо взять и под домашний арест посадить, по крайней мере, открыто не под этим предлогом. Эти несколько дней во дворце он в основном проводил, обучая Четвертого принца.

К тому же под домашний арест его самого никто не сажал, просто еда в Императорской кухне была такой вкусной, что он по неосторожности толстеет на целый круг, и совсем не нарочно. Стоит ли так придирается? Мелочность!

Линь Дань не в самом деле злится на дедушку. Родные переживали, но дедушка, как глава семьи, нес на себе давление, неизмеримо большее, чем они.

Доев лапшу, дедушка Линь подробно рассказал о своем внезапном несчастье.

Все началось еще тогда, когда Линь Даньдани только что открылся семье. Какой он дотошный, даже сменив оболочку, за исключением главного зачинщика, которого так и не нашли, он всех, кто когда-то втыкал нож в спину их семье или пинал лежащего, записал в книгу один к одному.

Эти люди были, в лучшем случае, мелкими пакостниками, которые бьют лежащего. Семья Линь, конечно, не могла мстить каждому по отдельности, да и до беды поводов не было. Но должность дедушки — Министр чинов! Во время аттестации он мог поменять место назначения, кого надо — повысить, кого надо — перевести на равную должность. Менялась только местность, а придраться было не к чему.

Чиновники, совершенно не понимавшие, за что им «надели туфлю меньшего размера», могли только глотать зубы с кровью, но в душе записывали на счет.

— Один идиот, мозги не варят, воспользовался нехваткой людей на Севере, сразу получил повышение на полступени и поехал на Север. Место назначения как раз там, где твой отец, вот он и начал строить козни. — Дедушка Линь вытер руки и лицо, на лице появилась хитрая,

коварная улыбка старого лиса. — Но раз человеку нравится Север, пусть там и остается.

На самом деле, трезвомыслящие люди без крайней необходимости на Север не просились. Эта операция по спасению, как со стороны двора, так и со стороны простых людей, прошла довольно быстро, но в самом начале, в самый критический момент, информация была полностью перекрыта. Даже если удалось избежать массовой гибели от саранчи, факт остается фактом: на Севере погибло много людей. Во многих местах роды полностью прервались.

Без народа какой ты чиновник?

Конечно, в местах, где вымерли семьи, можно запросить переселение людей из густонаселенных районов, но кто по доброй воле поедет? Если расстояние велико, это настоящий разорение для народа, и ожидаемо, что по дороге умрет добрая половина.

К тому же пустых мест много, кто гарантирует, что к тебе приедут крепкие работяги, а не старики да больные? Тут для махинаций простор огромный.

В чиновничьем мире большинство — люди умные. Как тот, кого тайно «поставили» Министерство чинов, если захочет, скорее всего, заметит какие-то следы. Они могут не знать, кого именно он обидел, но это не мешает им подслужиться: не нужно делать много, просто в своем звене чуть-чуть подтолкнуть вверх или вниз, ошибки ведь нет, а вдруг и угодишь кому-то.

Можно представить, что жизнь этого человека на новом месте была не сладкой. Даже если он использовал связи и перевелся на Север, выгода была только на бумаге — повышение в чине, а толку никакого, только выслуга лет идет.

Но Север и так глухой угол, выслуга лет без ЧП — это минимум три года. До приезда он думал только о повышении, но не ожидал, что это место настолько невыносимое, что и трех месяцев не выдержит. Он жил даже хуже, чем Линь Хэчэн!

За месяц на Севере Линь Хэчэн изменился до неузнаваемости: если бы его увидели дома, родные родители не признали бы. Он из столичного господина превратился в настоящего крестьянина — смуглого и жилистого.

Конечно, этот крестьянин, кроме грубой одежды, был окружен охраной, двумя-тремя слугами, группой детей, ставших сиротами из-за этого бедствия, и огромным количеством кур.

Куриное стадо Линь Хэчэна, хотя в основном состояло из бойцовских петухов, но и кур несушек в нем было. Поездка на Север пошла курам на пользу: они ели хорошо, часть яиц засолили, остальные, кроме тех, что съели, пошли на инкубацию. Через какое-то время можно ожидать появления множества цыплят, и стадо снова увеличится.

Гнать обратно такое стадо он не собирался. Покупка пустоши на Севере была отчасти продиктована и этим.

А Лэ, когда находился рядом с Линь Данем, был еще худощавым подростком, но сейчас сильно вырос и стал могучим. Он держал поводья, спрыгнул с передней повозки, за которой следовали шесть телег, груженных товарами.

— Седьмой господин, я нашел выводок щенков, где их держать? — В такие времена люди едва сами выживают, не то что собаки. А Лэ проходил мимо вымершей деревни, увидел в кустах полудохлую суку, было ясно — не выживет. Если бы не богатство семьи Линь, А Лэ и не подумал бы приносить щенков.

Линь Хэчэн не возражал. Помимо бойцовских петухов, он любил и бойцовских собак. Но после женитьбы дома держали в узде, то заставляли учиться, то он был занят по горло своими близнецами, времени на собак совсем не оставалось. Увидев выводок костлявых щенков, он сразу загорелся.

— Покажи. — Он еще не успел подойти, как к нему подбежал человек.

— Седьмой господин, дом готов, даос Цянь просит вас пойти посмотреть!

Да, в этот раз в команде Линь Хэчэна был даос. Линь Хэчэн не знал, какого он роду-племени, этот даос Цянь: по дороге лечил больных, если было — если нет, смотрел фэншуй, выкопал три колодца, когда была возможность — писал стихи или рисовал картины, а когда останавливались на ночлег, руководил постройкой дома. Учеников при нем не было, он просто дергал кучу детей, то рассказывал пару советов по земледелию, то учил парой иероглифов — чувствовалось, нет дела, которого он бы не умел.

В столице дедушку Линя выпустили через несколько дней, казалось, буря еще не набрала силу, а уже улеглась, как вдруг набор свитков даоса Цянь Сюэюна выставили в общежитии на улице Тунгу.

Великое имя Цянь Сюэюна, даже если бы он упомянул его Линь Хэчэну, тот бы все равно не знал. Но в мире живописи этот человек был признанным мастером. Цянь Сюэюн прославился в юности, но после тридцати внезапно исчез, и никто не знал, куда он делся.

На этот раз его работы внезапно появились в столице и мгновенно вызвали ажиотаж. Администрации общежития пришлось через три дня перенести этот цикл картин под названием «Триста ли Северных земель» в чайный дом напротив, чтобы не мешать учебе и жизни студентов.

Жители столицы, от высших чиновников до простых людей, живо интересовались ситуацией на Севере, и сведений отовсюду поступало немало, но впервые они увидели северные дела так наглядно.

<http://bllate.org/book/17701/1652760>